

АРХИМАНДРИТ

Савва Мажуко

Любовь и пустота

архимандрит Савва (Мажуко)

Любовь и пустота

«Никея»

2020

УДК 248.12
ББК 86.372

(Мажуко) а.

Любовь и пустота / а. (Мажуко) — «Никея», 2020

ISBN 978-5-907307-00-1

Самая большая книга отца Саввы обнимает огромное количество тем, она – о любви к Богу и людям, к святым и героям книг, к церковному богослужению и светскому искусству. Вы узнаете много важного о доброте и деликатности, о святости и свободе, о монашестве, девстве и эросе, – размышления и истории автора неисчерпаемы и увлекательны. Первый сборник статей и эссе о. Саввы (Мажуко) «Любовь и пустота» вышел в 2014 году в сильно урезанном виде. Новая старая книга, восстановленная и дополненная, представляет читателю первоначальный авторский замысел и совсем новые тексты.

УДК 248.12

ББК 86.372

ISBN 978-5-907307-00-1

© (Мажуко) а., 2020

© Никея, 2020

Содержание

Предисловие	6
Простые вещи	7
Голос камня	7
Право на красоту	9
Осень жизни	11
Плывем... Куда ж нам плыть?	13
Постоянство в добре	16
Отчего люди не летают?	18
Чужие деньги	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Савва (Мажуко), архимандрит

Любовь и пустота

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р20-920-0752

© ООО ТД «Никея», 2020

© Савва (Мажуко), архим., 2014, 2020

* * *

Предисловие

Однажды меня пригласили прочитать несколько лекций в одной из российских епархий. Это была интересная и плодотворная поездка, общение со светлыми людьми и незабываемые встречи. Вечером был торжественный прием у митрополита, вылившийся в самую душевную и дружескую беседу. После нескольких часов разговоров и воспоминаний владыка посмотрел на меня с недоумением и неожиданно сказал:

– Савва, а ведь ты, оказывается, такой замечательный и адекватный человек! И как тебя угораздило в писатели пойти?

Это был вопрос года! Над ним я долго размышлял, и теперь еще продолжаю, потому что так бывает, что в одной реплике вдруг сгущается и выдает себя самая суть. Священник, который пишет книжки, – пугающий и опасный чудак. Так относится к литераторам в рясах большинство верующих – и духовенство, и миряне. Если ты взялся за литературный труд, братья по вере и алтарю, скорее всего, примут это за проявление честолюбия – это самый понятный мотив. А если честолюбие – значит, гордыня, и ничто не вызывает в православных такого живого отклика и неукротимого энтузиазма, как желание помочь ближнему справиться со страстью гордости, которая, как известно, самый смертный из грехов. И вместо того чтобы целиком отдаться творчеству, ты вынужден тратить все свои душевные силы, чтобы доказать, и прежде всего самому себе, что дело, за которое ты взялся, того стоит.

Человеку творческому обязательно нужно на кого-нибудь опереться, даже гениям нужна поддержка. И какое счастье, если найдется хотя бы один человек, одаренный способностью ободрять к творчеству, поверить в то, что стремление к литературе может быть не от высокомерия или авантюризма, а от призвания, оттого что Господь позвал. Мне повезло, у меня был такой человек – Марина Андреевна Журинская, главный редактор журнала «Альфа и Омега». Именно она убедила меня писать, и работы, которые вошли в эту книгу, были написаны по ее личной просьбе и благодаря ее редакторской настойчивости.

Большая часть текстов, представленных в этой книге, публиковались в журнале «Альфа и Омега», а затем были собраны в сборник, вышедший в 2014 году. Нынешнее издание, как и предыдущее, имеет деление на три части, однако, в отличие от первого издания, каждая получила свое заглавие, а тексты третьей части были дополнены и расширены, поскольку именно она является смысловым ядром книги и писалась изначально как один текст. Однако редактор издания 2014 года счел нужным значительно сократить эссе «Любовь и пустота» и совсем опустить раздел «Смысл девства». Настоящая книга возвращается к первоначальному замыслу.

Не могу не ответить на вопрос одного из самых первых читателей этой книги старичка Адольфовича, который до самой кончины был преданным прихожанином нашего храма. Прочитав «Любовь и пустоту», он сказал:

– Отец Савва! Изучил ваш труд внимательнейшим образом. Нашел много важного про любовь. Но где же про пустоту?

Проницательный Адольфович! Я действительно планировал посвятить пустоте отдельную главу, написанную как размышление над строками стихотворения Иосифа Бродского «Дебют», которое мы разбираем со студентами на занятиях. Но почему-то так не хотелось этого делать! Бродский всегда с нами, а пустота и внутри, и вокруг в таком избытке, что было бы избыточным мучением и пыткой отдавать ей лишние страницы этой книги.

Жизнь такая короткая, и мгновений счастья в ней не так уж и много. Лучше их отдать любви и доброте, даже если это всего лишь слова о любви и доброте.

Простые вещи

Голос камня

Рассказывают, что, когда великий святой и проповедник древней Англии Беда ослеп, к нему приставили мальчика-поводыря, не очень рачительного, который позволял себе врать старцу, чтобы улизнуть с послушания. Вот однажды идут слепец и мальчик по дороге, и пареньку захотелось отдохнуть, он и говорит старцу, что вокруг собралась толпа: люди стоят и ждут его проповеднического слова. Достопочтенный Беда оживился и начал вдохновенную проповедь, на которую только и способно пылкое сердце боголюбца. Он говорил горячо и долго, и солнце уже зашло, и землю окутал сумеречный холод, и испуганный поводырь со слезами уговаривал святого закончить свое слово, потому что никого уже нет, все ушли. И вот великий старец умолк, и среди ночной тишины камни пропели ему в ответ громогласное «Аминь».

Есть чудесное стихотворение Якова Полонского, написанное на этот сюжет, оно очень нравится детям, и я сам прочел его еще школьником и был впечатлен чудом поющих камней. Бездушный ледяной камень, который хранит в себе холод даже в самый жаркий день, вдруг согревается словом старца, тает при голосе боголюбца, не в состоянии удержать в себе молитвенный ответ. Проще разговорить камень, чем разбудить сердце. Легче быть камнем, чем человеком. Камни так редко очеловечиваются, но люди часто каменеют. Наши сердца замерзают до самого глубокого «окамененного нечувствия», и вернуть им былое тепло стоит большого труда, если не чуда. Как с нами такое случается – у каждого своя история. Но мы – христиане, пусть даже и с нечувствительными сердцами, с окаменелостями внутри, и как-то с этим надо жить, и как-то с этим надо молиться.

Молитва – самый тяжелый труд. Это известно каждому, кто учился молиться. Люди чаще молятся, когда стряслась беда. В страданиях все наше существо начинает кричать Богу. Горе гонит людей в церковь, бросает на колени перед Богом, все чувства и помыслы собирает в одном молитвенном порыве. Это особый опыт. Крайне редкий, и потому многим людям непонятно: как можно молиться постоянно, с регулярностью и особым правилом? Как можно требовать от сердца восторженности по часам и минутам? Не лицемерие ли все это? Не требует ли церковь от нас невозможного?

Молитва регулярная и правильная – это заповедь апостольская, данная из опыта и обращенная к опыту, а не теории. Восторги приходят и уходят, а мир, который стонет под бременем зла, требует наших молитв, нашего маленького молитвенного усилия, каждого из нас. Но как можно молиться, когда сердце молчит, безмолвствует, не отвечает этот старый холодный камень, не пробуждается даже от слов пламенных боголюбцев? Это сложный вопрос, и, кажется, ничего с этим не поделаешь. Или же все-таки что-то можно сделать?

Есть один старинный способ «оживления камней». Это молитва за другого. Нет такого холодного сердца, которое хотя бы чуть-чуть не оттаяло, когда молишься за ближнего. Может, свое молитвенное правило я и прочитаю сухо и формально, даже, скорее, вычитаю, как важный, красивый, старинный, но чужой текст, так и не ставший сегодня моим. Это я молился за себя, но мне-то что? Но вот вы легли спать, и вам не спится. Обрывки фраз, мыслей и образов блуждают в памяти, бродят в сознании, как бродит молодое вино. Вспомните по именам ваших близких, родных, друзей, живых и почивших, и за каждого из них, не за себя, а за этих чудесных и несчастных людей, воздохните перед Богом. Своими словами, своими просьбами, личным сочувствием помолитесь за них. Поговорите с Богом как с Отцом. Скажите Ему сами, что вы хотите сказать, даже если вы обиделись на Него – Ему можно говорить и это. Ведь

молитва – это не медитация, не измененное состояние сознания или погружение в покой и равновесие. Ты говоришь с Богом, так стань и препояшься, как муж (см. Иов 38: 3). Это мы и называем молитвой. Такое делание не несет покоя. Ведь ты стоишь перед Богом. Ты перед Его очами каждое мгновение своей жизни, потому и заповедовали апостолы молиться всегда, всегда предстоять пред Богом, быть готовым ответить Ему.

И это упражнение постепенно перерастет в навык, станет необходимым правилом, без которого никак нельзя. И когда вы идете по городу, едете в машине, сидите в кафе, смотрите новости – молитесь за тех, кого видите, – только так мы и можем смотреть на этот мир – молясь за него. Только так христианину и следует смотреть новости, читать газеты. Сколько вокруг больных людей, несчастных и голодных детей, сколько войн и бедствий! Мы не можем помочь всем деньгами, но принести молитвенное воздыхание в наших силах. Идете мимо больницы – помолитесь за тех, кто страдает, видите деток – благословите их молитвенно про себя. Запутавшийся политик или глупенькая девочка, которая поверила, что она звезда, – помолитесь о них, им это нужно. Нам всем это нужно. Понуждая себя к такой молитве, мы действительно сможем разбудить свое сердце, освятить каждую мысль. «Тяжело каждой мысли, которая не выльется, не преобразится в молитву»¹. Так писал святой Иустин (Попович). Мысль без молитвы тяжела. Она стелется по земле, она задыхается от собственной грузности. Она каменеет и само сердце заражает нечувствительностью даже к собственной жизни.

У Ивана Ильина есть чудесная книга «Поющее сердце». Это велико. Это чудесно. Когда есть сердце, тогда есть и пение. Поющее сердце – это красиво и это нормально. Но подлинное чудо там, где поют камни. Вопреки природе, наперекор всем вердиктам и приговорам – ожившее человеческое сердце начинает петь, потому что Сам Бог Милосердия дает голос этому камню.

Замолк грустно старец, главой поникая.
Но только замолк он – от края до края:
«Аминь!» – ему грянули камни в ответ.

¹ *Иустин (Попович), преп.* Подвижнические и богословские главы // На богочеловеческом пути. СПб., 1999. С. 151.

Право на красоту

Говорят, однажды пожилой уже Анне Ахматовой подарили ботинки. Созерцая подарок, поэтесса изрекла: «Хорошая вещь. Полезная. Но мне бы чего-нибудь *лишнего*».

Разговор о красоте – это разговор о лишнем, потому красота – это то, без чего теоретически можно обойтись. Есть вещи принципиально необходимые человеку – пища, кров, одежда, – без этого не выживешь, и в трудные годы, например во время войны, люди заботились главным образом о том, чтобы дети не мерзли и не голодали, – не до красоты было. Но даже в эти лихие времена находились люди, такие же голодные и больные, которые тратили свои силы и саму жизнь, чтобы спасти бесполезные, но прекрасные вещи. Сотрудники ленинградских музеев, музыканты, литераторы, переводчики... Человек, однажды уязвленный красотой, уже никогда не сможет без нее жить. И дело здесь не только в том, что красота примиряет нас с жизнью. Переживание прекрасного – это опыт скорее мистический, он выводит тебя за пределы себя самого, ставит лицом к лицу с миром божественным, потому что мы, христиане, знаем, что Красота есть одно из имен Божиих, Он – Прекрасное Само по Себе, и Он же – источник подлинной красоты. «Все сущее, – пишет святитель Дионисий Ареопагит, – возникающая из Прекрасного и Добра, пребывая в Прекрасном и Добре, возвращается в Прекрасное и Добро. И все, что существует и появляется, существует и появляется благодаря Прекрасному и Добру» (О божественных именах. 4. 10). Заметим здесь принципиальное для христианского упования тождество добра и красоты, идеала этического и эстетического. Не напрасно святые отцы дали название знаменитому аскетическому сборнику «Добротолюбие» – это перевод греческого слова «филокалия» – любовь к красоте. Святость подлинно прекрасна! Святой как приобщенный Источнику добра и красоты, ставший пре-подобным Ему, не просто несет на себе печать красоты как чего-то внешнего. Святость открывает в человеке его собственные тайники богообразной красоты и являет красоту других людей, сокрытую даже от них самих. Когда мы читаем жития подвижников, нас восхищает их удивительное благоговение к людям, чувство вполне искреннее и лишенное всякой фальши и лицемерия. Из той же житийной литературы известно, что святые становились на сам путь святости, будучи уязвлены, очарованы красотой Своего Бога. Преподобный Макарий Египетский пишет, что человек, уязвленный любовью к Божественной Красоте, «связан и упоен ею, погружен и отведен пленником в иной мир» (Добротолюбие. I. 13).

Но здесь все понятно – красоту Бога и святости не будет оспаривать ни один христианин. Однако мы живем в мире, где добро и красота разошлись, и особенно хорошо это видно в современном искусстве, когда прекрасно, как говорят, грамотно снятый фильм жутко смотреть от того изобилия порока, что выливается на зрителя. Сегодня мы говорим об очаровании зла. Доктор Лектор из «Молчания ягнят», гениально сыгранный Энтони Хопкинсом, вызывает симпатию и сочувствие – но ведь это убийца-каннибал! Красиво до жути.

Все вместе это воскрешает внутри христианского общества старинный испуг и недоверие к культуре, подозрительное отношение ко всему, так сказать, душевному. И – маятник качнулся в другую сторону – уже верующему человеку приходится отстаивать перед своими собратьями право на красоту. Ведь постепенно, сами того не замечая, мы закрываем себя в православном культурном гетто: у нас свое православное кино, православная книга, православная песня. Создается свой «спасительный» тип одежды и стиль поведения, и если ты как-то выбиваешься из него, к тебе уже относятся иначе – этот не наш!

Но ведь подлинная красота надконфессиональна. Кошки прекрасны не потому, что это наши православные кошки, и цветы очаровательны не потому, что росли рядом с храмом. Скажете: это Божий мир и не надо путать его с миром культуры. Безобразий хватает и в Божьем мире, и мы знаем, благодаря кому. Но вот строчка из стихотворения Рильке «Слепая»:

Я чувствовала: мимо рук моих
Прошло дыханье пышной белой розы.

Это сказано чудесно, хотя Рильке и не был православным, как не были православными Платон, Еврипид, Борхес, Бетховен и многие другие гениальные поэты, художники, музыканты, и кому как не нам, служителям Прекрасного Бога, Бога Красоты, учиться слышать и распознавать те чудесные отблески красоты, которыми нас одарили эти люди.

Но ведь это душевное, а мы ищем духовного! Это все, конечно, верно, однако, как говорила одна мудрая женщина, чтобы убить душевность, нужно как минимум иметь душу. Невозможно из состояния плотского, в котором большинство из нас обитает, совершить «комсомольский» бросок к духовности, минуя ступень душевного. Поэтому прежде чем браться за «Добротолюбие», надо бы сдать «экзамен» на вежливость и предупредительность, проверить себя на обязательность и постоянство, и, конечно, ничто так не будит душу, как внимание к прекрасному. Внешний вид, манера общаться, круг чтения и досуга. Безусловно, есть люди, которых это не касается, они уже на другой ступеньке, но таковых, поверьте, меньшинство.

Есть еще один очень важный момент. Я уверен, что Церковь обязана нести свой подвиг миссии, вступая в активный диалог с наукой и культурой. Человек грубых нравов, нечувствительный к прекрасному, просто не имеет в себе способности услышать евангельскую весть. Мир вырождается, потому что искусство уже стало полезным, приспособилось или было приспособлено к нуждам, к потребностям плотского человека. Над книгой или фильмом теперь не надо работать, совершать творческое усилие, все постепенно погружается в сферу развлечения, обслуживания запросов. Поэтому для Церкви важно поддерживать высокое искусство, воспитывать к нему вкус, и начинать надо с нас самих. Церковная музыка, архитектура и иконопись должны быть на самом высоком уровне – это вопрос принципиальный. Можно, конечно, сослаться на недостаток средств или отмахнуться, как от душевного или ненужной роскоши. И это будет преступлением с нашей стороны. Прекрасный церковный хор, стройность и красота богослужения, изысканность архитектуры – лучшие формы проповеди, которые когда-либо знала Церковь. И это не интерес корысти, а самая соль христианского мироощущения. Господь сотворил человека для радости. Величайшей радости мы приобщаемся в созерцании красоты. И вот как об этом писал неправославный Гете: «Когда человек чувствует себя в мире как в едином прекрасном целом, когда чувство внутренней гармонии приводит его в чистое, свободное восхищение, – в эти минуты вся вселенная, если бы она могла сознавать себя, – удивилась бы и возрадовалась высочайшей цели бытия своего. Ибо к чему служит все это великолепие Солнца, планет и звезд, этих рождающихся и исчезающих миров, если наконец счастливый человек безотчетно не станет радоваться бытию своему?»

Осень жизни

Каждый нормальный человек мечтает прожить максимально долго. Стремиться к этому естественно и желать – нездорово. Но опять же всякий знает, ясно осознает, что долгая жизнь необходимо сопряжена со старением. В этом раскол нашего желания: жить хочется долго, но не стареть или как-нибудь не очень стареть. Старость симпатий не вызывает, и, более того, современная культура вообще старается получше укрыться от этой реальности, не видеть ее, не замечать. Старым быть стыдно. Потому что старость не может быть красивой по определению, ибо сама есть уродство, безобразие и предвестник смерти. А еще немощи, болезни, беспомощность, иногда – маразм. И наоборот, современный западный мир одержим культом молодости, доходя в этом поклонении до жутких крайностей, когда всерьез предлагается взрослым людям не учить детей, а самим у них всему учиться, прислушиваться к их мнению и без конца защищать их права и поощрять свободы. Так где же вы хотите отыскать красоту старости, когда само это выражение кажется абсурдным и противоречивым?

С красотой вообще все непросто. Ее, например, никак нельзя доказать. Как доказать, что вот эта девушка прекрасна? Ведь доказательство – некоторый вид рассуждения, плод работы ума, тип рациональной активности, а переживание красоты – это несколько иной опыт. Красота живет как бы в другом измерении, в нем и постигается и достигает нас. Красота не доказуема, а показуема. Она избыточна и, иногда кажется, нелогична. Вот зачем нужны старики? Сколько бы времени освободилось для тысячи добрых дел и начинаний, не путайся под ногами разные старухи-процентщицы и всякие лишние деды. Все эти разговоры, что они заслужили, мы у них учимся... Часто ведь и не учимся, потому что нечего у них взять, даже бывает и вредно что-то заимствовать, просто опасно. Слышали фразы «старый хрыч», «старая ведьма», «вредная старуха» и прочие менее вежливые? Но ведь в нашей речи есть и другое: «красивый старик», ласковые именованья «дедушка», «бабушка», «старушка». Мы умиляемся, даже когда произносим эти слова или слышим их. Чему умиляемся? Что так трогает сердце? Опыт человеческой красоты, пережитой в общении со старыми людьми, опыт, отзывающийся в сердце благодарностью и любовью.

Когда я трудился в детской воскресной школе, то давал ребятам задание нарисовать себя в старости с указанием своих *технических характеристик*: возраст, состояние здоровья, достижения, количество детей и внуков и т. д. Девочки чаще всего рисовали себя пышноволосяй изящной старицей, возраст которой угадывался с трудом: она усердно копается в саду *родового гнезда* в окружении целой толпы внуков и всяких кошек. Любопытно, что муж-старик ни в одном из рисунков не фигурировал. Рисунки мальчиков были еще занятней. Один паренек изобразил себя без руки и ноги, с черной повязкой на месте утраченного глаза. Стоял старик-войка на фоне огромной карты, тщательно подписанной: «Где я сражался за Родину». Замечу, что обозначенные *горячие точки* были на всех известных континентах и довольно далеко от самой Родины. Зачем я давал ребятам такое странное задание? Мне кажется, молодым людям полезно размышлять на тему собственной старости, *вспоминать* свою старость, что помогает воспитать со-чувствие, выработать чувствительность к старости и научиться ее принимать и понимать. Страшно даже подумать, что меня, такого сильного и здорового, будет кто-то мыть, одевать, сажать на горшок и кормить с ложечки, терпеливо (если повезет) поправляя салфетку. Такое *воспоминание*, как некое духовное упражнение, делает человека мудрее, учит созерцать свою собственную предельность и уязвимость, из которой и только из которой можно увидеть путь к вечному и подлинному.

Мы как-то бессознательно не хотим, просто не можем примириться со старостью, как не можем примириться со смертью. Но и с жизнью и со смертью нас примиряет красота, и старый

человек прекрасен, если сквозь его немощное и усталое тело высвечивается нечто подлинно прекрасное, не истлевающее от времени и невзгод, а наоборот, набирающее в них силу.

У апостола Павла целое послание – 2-е к Коринфянам – посвящено раскрытию известной христианской истины: *Сила Божия в немощи совершается* (ср. 2 Кор. 12: 9). Ибо если *внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4: 16). То есть в опыте страдания и немощи, принимаемых в благодарности сердца, мы приобщаемся подлинной красоте и мудрости, которые не всякому дано разглядеть в старом человеке и, конечно, не всякому дано к ним приобщиться. Сквозь покровы немощного старческого тела проявляется вызревавший долгие годы *сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1 Пет. 3: 4). Но ведь апостолы говорили это применительно не к одним старикам, это универсальный закон для людей всех возрастов. Но для воспитания внутреннего человека необходим многолетний труд, как пишется о святых подвижниках: «состарился в подвигах», – вот это красиво – состариться не в страстях, а в подвигах! Вот это и есть *добрая старость* (ср. 1 Пар. 29: 28). Но именно поэтому не всякая старость добра и прекрасна.

В церкви часто читается отрывок из Книги Премудрости Соломона: *Старость бо честна не многолетна, ниже в числе лет изчитается: седина же есть мудрость человеком, и возраст старости житие нескверно (не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь – возраст старости)* (Прем. 4: 8–9). В старости совершается, если угодно, некий суд над жизнью человека. Когда мы входим в возраст, все черты нашего характера, привычки, в том числе и дурные, шаржируются, становятся более выпуклыми и пугающе преувеличенными. Все ведь встречали прожорливых старух, похотливых стариков... Подозрительность, жадность, высокомерие, жестокость страшно уродливы в стариковском варианте. Как это ужасно, достигнув преклонных лет, состариться со своими болезнями души и духа. Безусловно, бывают и естественные (если болезнь естественна) причины такого поведения, но в большинстве случаев это следствие нашей духовной лени, не давшей нам в молодости справиться со своими страстями. И в этом тоже урок для всех молодых: возделывать душу в нужный час и, пока есть силы, дать внутреннему человеку вовремя созреть, *крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке* (Еф. 3: 16).

В Псалтири есть чудный псалом – семидесятый, и в нем такое молитвенное воззвание к Богу: *Не отвержи мене во время старости: внемди оскудевати крепости моей... Боже мой, не удалися от мене* (Пс. 70: 9, 12). На эти слова композитор Березовский, один из замечательных церковных авторов, написал хоровое произведение, которое исполняют во многих храмах. И слова, и музыка пронзительны и крепко трогают душу, потому что, хотя мы и восхваляем красоту старости и все благодатные дары этого возраста, все же понимаем, что старость – это крест, это испытание страданием. Красота старости – не та красота, которой завидуют: слишком отчетливо мы осознаем или чувствуем, что старость есть что-то неестественное, что человек не должен стареть, так же как и не должен умирать. И тексты древних христианских авторов говорят нам о том, что мы призваны к *жизни нестареемой*, в которой юность наша должна обновиться. Но здесь и сейчас, пытаясь жить и стареть во Христе и со Христом, я знаю, что в Церкви как Теле Христовом нет эллина и иудея, варвара и скифа, раба и свободного, мужского пола и женского, старика и молодого, но все и во всем Христос (ср. Кол. 3: 11; Гал. 3: 28).

Плывем... Куда ж нам плыть?

Есть проблемы, о которых постоянно рассуждают, которыми болеют, но которые никогда не решают. Они могут уточняться, представлять в неожиданном свете, проживаться в собственном опыте, но их нельзя закрыть раз и навсегда, даже если основательно опираться на такой авторитет, как Священное Писание. Эти проблемы переходят по наследству от поколения к поколению, передаются как эстафета, но, кажется, букет вопросов с каждым новым поколением бесконечно ветвится и на место его опавших цветов прорастает десяток новых. Тема свободы человека – это некий нерв, открытая рана философии. Она не подлежит лечению, но каждое новое поколение философов бодро берется ее врачевать. «Человек или свободен, или его нет», – сказал Шопенгауэр, лаконично обозначив вековую проблему. Отказав человеку в свободе, мы теряем человека. А что такое свобода?

Во все века люди боролись за свободу и независимость от захватчиков и поработителей, от помещиков и плантаторов. Несправедливые законы, ущемленные права, геноцид и узы фальшивой морали – человечество боролось за свободу и, кажется, обрело ее. Свои права отстаивать незасорно, а почетно, борцов за свободу чествуют во всем мире, о них слагают песни, плоды их трудов очевидны. В наше время человек свободен как никогда. Сегодня каждый имеет не только свой набор прав, но и в области морали раскрепощен и отпущен на свободу. Но вот проблема, которую очень четко сформулировал один американский автор: «Если в начале XX века человек жаждал свободы, мечтал освободиться от условностей, сковывающих его жизнь, то сегодня главная проблема человека – чего же я хочу на самом деле». Мне вспоминается мультфильм про домовенка Кузю: ворона, наевшись пирога с отворотным зельем, опьяненная воздухом свободы, кричит: «Куда хочу – туда лечу!.. Чего хочу? Куда лечу?»

Опыт постепенно, по мере взросления, приводит нас к той простой истине, что мы не знаем, что такое свобода. Однако с годами учимся различать три элемента, в ординарной жизни часто слитых воедино до неразличимости. Первое, что вынужден сделать человек, становящийся христианином, – развести значения этого термина и научиться отличать свободу, независимость и произвол. Свобода – некий икс, неизвестная, непременно помещенная кем-то в уравнение нашей жизни. С чем ассоциируется у нас свобода? Прежде всего, это свобода выбора. А есть ли он, этот выбор? Во-первых, всегда есть зазор между тем, чего я хочу, и тем, что могу себе позволить. Набор того, что я могу себе позволить, невелик. А кто, собственно, его формирует? Почему я должен выбирать только предложенное? Выбираю: ехать ли мне в Ирландию или на Мальту; или: лететь туда же или плыть на корабле; работать или бездельничать; спать или бодрствовать. Почему нет чего-то еще: другого способа передвижения, другого способа жизни. Количество наших родителей слишком ограничено: только папа и мама; полов только два, измерений тоже кот наплакал. То есть я не выбираю родителей, не выбираю свой пол, национальность, время рождения и продолжительность жизни. В конце концов, меня никто не спрашивал, хочу я родиться или не хочу. Для христиан здесь еще одна проблема. Как писал Этьен Жильсон, «если ты стал христианином, то уже не можешь не быть им. Истина заключается в том, что у тебя просто нет выбора»². Помните ответ Петра Спасителю после беседы о Хлебе Небесном? *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6: 68). Другими словами, иного полноценного бога нет, даже если бы ты и хотел к нему перейти, другой истины тоже нет: истина – одна, Бог – один. Получается, что в самом главном вопросе жизни у нас нет выбора? А как же слова апостола Павла: *К свободе призваны вы, братия* (Гал. 5: 13), что все это значит? Во-первых, то, что человек зависим. У него нет независимости. Его Кто-то, не спросясь, сотворил, Кто-то дает ему жизнь и полагает ей пределы. Свобода и неза-

² Жильсон Э. Философ и теология. М.: Гнозис, 1995. С. 10.

висимость – разные вещи. Человек свободен, но не независим. Где же пролегает поле свободы? Только в пределах жизни, но положенных не человеком. Святитель Николай Японский писал в дневнике: «Смешивают свободу с безалаберным произволением и тем сами себя обедняют. Свобода есть беспрепятственное движение и жизнь в законных пределах; выскочишь из них – значит, лишишься свободы. Рыба свободна и счастлива в своей стихии – воде; но если бы она под тем предлогом, что свободна сделать это, выпрыгнула на берег, то попала бы в стихию, которая несвойственна ей, которая бы... сковала ее, сделала ее жизнь на время мучительной, а со временем и совсем лишила бы жизни». Здесь святитель говорит и о независимости, и о произволе. Вот его-то, произвол, и путают постоянно со свободой. Человек не выбирает жизнь, ее пределы и те объективные условия, которые ему просто даны и в которые он вброшен. Что отличает тогда произвол от свободы? Вот что пишет по этому поводу Виктор Франкл: «Свобода может выродиться в простой произвол, если она не проживается с точки зрения ответственности. Вот почему я посоветовал бы, чтобы статуя Свободы на восточном побережье США была дополнена статуей Ответственности на западном»³. Вот этот икс, эта неизвестная величина, именуемая свободой, при неправильном решении уравнения жизни способна жизнь загубить. А где же правильное решение? Удастся ли нам когда-нибудь разгадать этот икс? Действительно, человек не выбирает Бога, не выбирает, в кого и когда ему влюбляться, но за ним всегда сохраняется возможность, точнее, свобода отношения. Я полюбил: могу позволить себе утонуть в этом чувстве, могу отказаться от него. Я понял, что Бог есть: могу научиться любить Его, могу начать мстить Ему за мою жизнь. А могу ли? От чего зависит – пойдет ли человек на подвиг самоотречения, изменит ли свою жизнь? Сам апостол Павел говорил о себе: *не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех... потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?* (Рим. 7: 15–19, 24). Человек эмпирический, человек наличный находится в каком-то ненормальном состоянии извращенной свободы, в состоянии рабства тому, что именуется грехом. Если Откровение говорит нам, что человек есть образ Божий, то ответ на вопрос «Что такое свобода?» мы увидим, приглядевшись к нашему Творцу. Вот Он по-настоящему свободен, независим и произволен. В Нем дается ориентир для поисков свободы. Сказать больше, в Нем дается ориентир подлинно человеческого в человеке. Ведь вспомним, вопрос стоит так: чего же я по-настоящему хочу? То, что я хочу сейчас, – это порча, которая заставляет меня этого хотеть? Это мода, или фальшивый стереотип поведения, или мое желание продиктовано комплексом неполноценности, или культурным предпочтением, воспитанием, страстью? Где я настоящий? Вот центральный вопрос! Где оно, это подлинно человеческое? Отец Георгий Флоровский говорил, что во Христе явлена мера и предел человечности. А значит, мера и предел свободы. Мы никогда до конца не узнаем, что же все-таки есть свобода, но один ориентир для нас остается – свобода, этот икс, без которого нет человека, дается во Христе: *если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8: 31–32). Получается, что в человеке свобода присутствует как некая возможность, раскрывающаяся по мере нашего очеловечения, раскрытия подлинно человеческого, которое есть божественное в человеке. Другими словами, свобода – это возможность стать самим собой, собой настоящим. Это способность найти свое лицо. Для христианина поиск свободы есть стремление к настоящему, к тому, что только подлинно в нашей жизни. Может, эта жажда подлинного, стремление к истине и свидетельствует о том, что в человеке жив залог свободы, пусть даже он раб греха и не может с ним справиться, – *где сокровище ваше, там и сердце ваше будет* (Лк. 12: 34). Выходит, понять интеллектом, что есть свобода, нам не дано. Ведь интеллект только часть

³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 88.

человеческой природы, а потому не вмещает целого. Свобода же проживается в целостном человеческом опыте, которому, правда, положен предел – там, где пролегает независимость и произвол. В гордости своей опротестовал зависимость от жизни Адам – и потерял жизнь. Наследники Адама ищут утоления жажды свободы в произволе – и проданы в рабство. Что делать нам? Искать исцеления своей свободы у Того, Кто пришел *отпустить измученных на свободу* (Лк. 4: 18).

Постоянство в добре

В детстве мне страшно жалко было тратить время на сон: вот если бы можно было выспаться на месяц, на год вперед, чтобы потом спокойно заниматься чем-нибудь настоящим и полезным. Сейчас ко сну я отношусь более трепетно, хотя огромное желание выспаться раз и навсегда меня не покидает. Но детская мечта всякий раз вспоминается, как ни странно, когда пытаешься осознать свою жизнь как жизнь христианина. Отношение к посту, ежедневной молитве, причастию... Время от времени настигает бессознательное желание вымолиться или выпоститься впрок. Старые люди говорили «отговориться» – очень интересное слово, и в нем слышится другое: «отделаться», как бы рассчитаться с Богом по долгам. Внутренняя христианская жизнь – праздник и Пасха, по определению, – почему-то со временем превращается в рутину: восторг и свежесть первой молитвы испаряется, и остается страшное слово «правило» – как корсет или ортопедическая обувь – душа не должна терять свою форму, образ, *обезобразиваться*. Неоднократно замечено, как святые отцы настаивают на постоянстве в молитвенном подвиге. Это очень древняя интуиция, и когда в апостольских текстах говорится о подвиге молитвы, непременно подчеркивается важность постоянства в этом деле (например, Еф. 6: 18). Более того, апостол Павел говорит о постоянстве в добре вообще (см. Рим. 2: 7), и без этого постоянства, то есть постоянного усилия в течение всей жизни, духовный путь христианина невозможен.

А почему же нельзя *спастись* раз и навсегда? Протестанты часто подшучивают над православными: как это вы не знаете, спасены вы или нет, как это нет у вас полной уверенности в собственном спасении? Потому и нет, что живем мы по Писанию, а оно нам говорит, что *мы спасены в надежде* (Рим. 8: 24). Христос действительно *всего человека исцелил* (Ин. 7: 23) и открыл для нас путь к обожению, но проделать этот путь я должен сам, это моя история, мой путь творчества.

Кто внимательно читал тексты апостола Павла, тот обращал внимание на павловские «если»: *дом же Его – мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца* (Евр. 3: 6); *Евангелие... которым и спасаетесь, если только преподанное удерживаете, как я благовествовал вам* (1 Кор. 15: 1–2); *если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования* (Кол. 1: 23); *ибо мы сделались причастниками Христу, если только начатую жизнь сохраним до конца* (Евр. 3: 14). Говоря «мы», апостол включает и себя в число неуверенных в спасении, зная по опыту, что со всяким может случиться *кораблекрушение в вере* (1 Тим. 1: 19), и в каждом своем послании этот великий апостол, пророк и чудотворец просит молитв у своих чад! Как это необычно для сознания языческого и секулярного, ожидающего видеть в святых – героев, личностей гордых и твердо уверенных в своих силах.

Апостол Павел не герой, он – подвижник. Сам апостол в своих текстах многократно употребляет слова *αῦών* («подвиг»), *αῦωνίζομαι* («подвизаться»), *αῦωνιστής* («подвижник») – и для нас это обычная церковная лексика – благочестиво и благообразно. Но эти слова апостол взял из спортивного обихода античности. Слово, обозначающее подвиг, буквально значит «спортивное состязание», а подвижник – «спортсмен», причем спорт здесь понимается не как частная практика, а выступление на людях, «позорище», как говорили в древности. И апостол не напрасно так активно употреблял этот образ.

Вот он сравнивает христианина с атлетом, бегуном: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники (в значении «спортсмены»). – Архим. С.) воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не*

остаться недостойным (1 Кор. 9: 24–27). Важный момент духовного подвижничества подчеркивает апостол: без воздержания – постоянного! – без самоограничения невозможен подвиг даже в спорте, а не только в области духа. Подвиг должен быть постоянным – это очень важно. Спортсмен постоянно должен работать над собой. Здесь даже само выражение «над собой» нам подсказка – как будто нужно выйти за пределы себя, вырасти над собой. Но нельзя вдруг и навсегда предпринять усилие, после которого уже можно чувствовать себя в безопасности, пройти точку невозврата и наконец спокойно выдохнуть. Мы находимся в состоянии постоянного непостоянства, как говорил один мудрый человек, и если верить апостолу Павлу, то христианином и нельзя *оставаться* или *быть*, христианин как бы *сбывается* в постоянном «томлении крайнего усилия», это по Фету, а по Посланию к Филиппийцам – *Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3: 13–14).

Но если нельзя ни в чем успокоиться, если духовная жизнь христианина – труд без выходов, почему же тогда сказано *иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11: 30)? Где эта искомая легкость? Апостол Павел указывает, где ее искать: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4: 13). Только во Христе и со Христом это неподъемное иго подвига веры может понести немощный человек, но это вовсе не значит, что никаких усилий от подвижника не требуется. Быть христианином – постоянный ежечасный труд, и без него никак нельзя. Каждый христианин – труженик и подвижник, то есть должен быть таковым, если он подлинно христианин, а не просто сочувствующий. И это требует определенного мужества, потому что я тружусь, не рассчитывая ни на что, и опереться мне в себе не на что, все мои прошлые заслуги и достижения – то самое «заднее», как писал апостол, которое я должен забывать. Я воцерковляюсь всякий раз, как захожу в церковь, обращаюсь в веру при каждом чтении Евангелия и каждый раз впервые подхожу к Чаше Евхаристии, *не почитая себя достигшим*. Христианин всегда ученик, он всегда в порыве, всегда в движении вперед, к *почести высшего звания Божия*. *Стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус* (Флп. 3: 14, 12).

Отчего люди не летают?

Мой младший брат в детстве сильно страдал ушами. Уж как его только не лечили, к каким врачам не водили – промывали, закапывали, прикладывали – все без толку, мучается ребенок, и все тут! Посоветовали обратиться к одной старушке. Шепчет. Заговаривает. Рассказывают, многим помогла. Пошептала она и над моим братиком: болезнь успокоилась и быстро прошла. И это типичный случай: многие вспомнят подобные истории о безымянных бабушках-шептушках, которые лечили, и довольно часто их помощь была вполне реальной. Однако всем известно, что Православная Церковь запрещает обращаться к таким людям, называет их колдунами, ведуньями, а некоторые священники прямо говорят, что эти лекари используют в своей практике силу бесовскую. Но бабушка, к которой когда-то обращались мы, ходила в церковь, в доме у нее были иконы, шептала она, как свидетельствуют очевидцы, обычные православные молитвы, и если бы ей сказали, что она лечит нечистой силой, бабушка, наверное, сильно бы удивилась и даже испугалась. Есть и другие случаи того же порядка: кто-то очень точно предсказывает будущее, читает мысли, двигает предметы, видит больные органы, и в большинстве случаев эти люди никак не могут объяснить, откуда у них такие необычные способности.

И вот вопрос: есть ли достаточные основания считать, что все это так плохо и опасно? Лечить руками, видеть будущее, летать – если эти способности можно развить, а сегодня есть специальные техники, – это пошло бы нам на пользу, и возможно, именно на этом пути развития человеческой расы мы бы нашли решение глобальных проблем. Так и рисуется в воображении дивный новый мир: человек живет в гармонии с природой, общается с параллельными мирами, ему не нужны глупые машины, чтобы преодолеть пространство и время, он лечит мыслью и прикосновением, и везде царит согласие и любовь. И новые пророки говорят, что уже сейчас нарождается раса талантливейших людей – дети индиго – пионеры нового мира, люди, одаренные сверхчеловеческими способностями, и счастье всего рода людского – вот оно, совсем близко, и героиня Островского, мечтавшая летать, как птица, нашла бы утешение в этой чудной семье нового человечества.

Казалось бы, Церковь должна приветствовать развитие особых качеств и сверхспособностей, ведь среди христианских святых много людей, обладавших такими способностями: прозорливцы, целители, чудотворцы, и некоторые действительно летали, воскрешали мертвецов, видели будущее. Преподобный Сергей, находясь за много верст от поля Куликова, называл по именам только что убитых воинов. Отец Иоанн Кронштадтский молитвой исцелял людей, присылавших телеграммы с другого конца России. Оптинские старцы умели видеть всю жизнь совершенно незнакомого человека и его прошлое и будущее. Однако если мы внимательно вчитаемся в жития святых, то заметим, что сами чудотворцы очень осторожно относились к чудесам. В отеческих писаниях встречается немало рассказов о том, что, если подвижник начинал созерцать мир духов или видеть будущее, довольно часто старцы советовали ему молиться, чтобы Господь отнял этот дар. Можно объяснить это борьбой с духом тщеславия, но то будет не вся правда.

Христианские подвижники опытно познавали некую очень важную истину о человеке, которой не знает и знать не хочет наш мир. Человек – существо богообразное, Господь наделил его величайшими дарами, и нам совершенно естественно не только познавать мир и его стихии, но и владеть ими, подчинять своей воле. Эта мысль непривычна для нас, но – да, действительно, христиане верят, что человек может летать, может «приручить» любую из энергий не только видимого мира, но и невидимого. Святитель Григорий Палама настаивал на том, что не только видимый мир, но даже ангелы созданы для нас, в услужение нам, потому что мы в иерархии бытия стоим выше мира духов. Однако рядом с откровением о царственном

положении человека в мире есть у нас еще и знание о падении Адама, о грехе, поразившем наше естество.

В вечерних молитвах мы просим помощи Божией, защиты от внутреннего раскола, душевной распри, живущей в нас, – «яко семя тли во мне есть». Вот это «семя тли», болезнь, которую несет каждый из нас как сын Адама и Евы, христиане и называют грехом. Грех – не только поступок и не столько нарушение заповеди Божией. Но прежде всего грех – болезнь распада, которая воюет внутри нас и постоянно выплескивается наружу, отравляя все вокруг. Именно этой болезнью греха болеет человек и вместе с ним страдает весь космос, вся природа, что *совокупно стенает и мучится доньне* (Рим. 8: 22). Этот корень зла, эта смертельная болезнь впервые была исцелена во Христе, и только во Христе человек может вернуть себе свое царственное достоинство, то есть прийти в естественное и единственно нормальное для себя состояние. Вот эти две истины о человеке – его царственное достоинство и болезнь греха, поразившая каждого человека, – дают понять, почему Церковь так осторожно относится к различным чудотворениям.

Обычным людям бывает очень сложно объяснить, что такое грех, как его понимает христианство, потому что в своей обыденности мы мало сталкиваемся с мистикой и чудесами, да и некогда на такие вещи внимание обращать. Верующий похож на человека, который неожиданно открывает в своем доме, с детства ему известном, бездонный колодец нижних этажей, а если посмотреть вверх – там тоже много неизведанного, – дух захватывает! Мы себя очень плохо знаем, боимся знать, и потому нам открыта только вершина айсберга – наши роли в обществе, какие-то увлечения, обычный и привычный ход жизни. А я, оказывается, умею летать, лечить, разговаривать со зверями и птицами – все это есть во мне, таким меня создал Бог, но чем глубже начинает проникать в себя человек, тем большую порчу в себе находит. Почему у христианских подвижников неожиданно открывались сверхъестественные способности? По мере очищения и освящения себя они проникали все глубже и глубже, соединяясь с Богом не только эмпирической своей частью, но и глубиной своей, и вот эти освященные и обоженные уровни человеческого естества начинали пробуждаться, оживать и проявлять себя в жизни святого. Случается, что и обычный человек, пережив какое-то горе или сильное впечатление, начинает чувствовать чужую боль, страдание и даже лечить их. Это он делает не действием бесов, но теми внезапно пробужденными силами, которые скрыты в каждом из нас. Но опасность в том и состоит, что тот, кто не в силах справиться с болезнью греха на уровне обыденном, эмпирическом, очень рискует, спускаясь неготовым и слабым в свою собственную глубину. В этих глубинах наша болезнь действует сильнее, и разрушения, которые она способна принести, гораздо страшнее, чем может показаться. Именно по этой причине Церковь и предостерегает от подобных практик. Мы действительно можем покорять себе стихии и мир духов, но тот, кто не научился справляться с самим собой, скорее всего, станет слугой стихий и игрушкой в руках враждебных человеку сил. Единственный путь освоения себя – путь отцов, а это борьба со страстями, пороками и многолетними привычками ради общения с Богом. Подвижники никогда не ставили цель развить в себе некие чудесные способности: их необычайные дары были всего лишь сопутствующим эффектом на пути к Богу, эффектом, который, как считали старцы, не помогал, а мешал христианину. Вот и получается, что христианская аскеза сильно проигрывает весьма эффективным техникам развития сверхъестественных способностей.

Но – как я могу летать или читать мысли, общаться с миром духов, как мне можно это доверить, когда я и с обычными людьми не могу научиться ладить? Какие могут быть параллельные миры, тайны космоса, цивилизации пришельцев, если меня раздирает зависть, гордыня, корысть, когда даже соседа, что за стенкой, я видеть не могу? Человек всегда остается человеком, какими бы чудными способностями он ни владел.

Тем не менее факт остается фактом: предсказания сбываются, и довольно часто, заговоры действуют, старушки исцеляют. Магия – вещь очень практичная, и если бы эти практики не работали, о них бы уже давно забыли. Так в чем опасность? Например, вы поставили себе целью утолить голод: это можно сделать и картошкой из Чернобыля, и бульбочкой из чистой зоны, если вы хотите всего лишь наесться, стодится любой продукт. Но что входит в меня контрабандой, незаметно накапливаясь во мне, разрушая меня изнутри? Гороскопы, гадания и всевозможные магические практики – ими тоже можно решать некоторые сиюминутные проблемы, эффект достигается впечатляюще быстро, – зато какой «канцероген» оседает на душу, нам трудно себе представить. «В падшем естестве, – писал святитель Игнатий (Брянчанинов), – ложь настолько тесно сплелась с правдой, что отвержение ото лжи часто требует отвержения от самого естества». Человеку естественно летать, подчинять себе стихии и даже духовных существ, но доколе мы в этом падшем состоянии и смертельно больны грехом, будем мыслить о себе скромнее и довольствоваться полетами во сне.

Чужие деньги

Как священник я испытываю массу профессиональных проблем. Одна из них – меня избегают всякие «богатенькие Буратино». Это прямо-таки «комплекс священнической неполноценности». То есть у всех нормальных батюшек есть спонсоры, а я как Золушка – ни крестной, ни принца. Пришлось даже обратиться к словарям – может, я чего-то не понял, не разобрался, ведь так бывает в жизни. Словари, важные и степенные, подтвердили мои смутные догадки. Действительно, английское *sponsor* – «попечитель», «покровитель» – имеет латинское происхождение, и древние римляне слышали в нем семантику договора, поручительства. *Sponsa* – это у латинян «невеста», «обрученная», *sponsalia* – «помолвка», «обручение». А вот этимологический словарь английского языка даже отсылает к древнегреческому *σπονδή*, которое имело значение «договор» или «возлияние по поводу договора»... Тут мой праздный приятель, что сидит рядом и шатает стол, когда честные люди пишут, беспечно изрек: «Вот потому у тебя и спонсоров нет...» Мы пропустим эту неуместную инвективу (слово-то какое!), даже скорее диатрибу (дышится легче!), если не филиппику (именины сердца!), и заметим, что приснопамятный Тертуллиан применял слово *sponsor* по отношению к крестным отцам. В итоге: договор, помолвка, крестный отец и, конечно же, возлияния (здесь без плюралиса никак нельзя – уважать не будут).

Ну а если без шутовства, без юродства... Попы и деньги – устойчивый сюжет не только фольклора, но и жизни нашей, в которой гораздо больше прозы, чем стихов. Деньги и спонсоры становятся не только искушением, но довольно часто почти неразрешимой проблемой для многих храмов и обителей. Я сейчас говорю не о моем случае, когда спонсоров нет, а наоборот, когда они «слишком есть» и своей помощью душат и шантажируют священника, беспардонно вторгаются в жизнь прихода или монастыря, когда сами священники своим угодничеством и лестью или наглостью и неприкрытым диктатом развращают этих самых «благодетелей и благоукрасителей», открыто охотятся на всякого обеспеченного человека. Думаю, у каждого читателя этих строк всплывет один-два и более примеров того, о чем я пишу. Но мне совсем не хочется разбирать эти случаи, обличать или увещевать, я просто хочу знать: как правильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.